

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-92-98

ПРАГМАТИКА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА

© *Мария Игоревна Кудрявцева¹, Зинаида Владимировна Режук²*

^{1,2}*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

¹*mia@sfedu.ru* ²*zrezhuk@sfedu.ru*

Аннотация. Рассматриваются интересубъективности как конститутивной характеристики сознания автора, репрезентированного в художественном тексте постмодерна. Интересубъективность представлена как обязательный признак любых дискурсивных практик, однако для художественного текста постмодерна прагматика интересубъективности выступает центральной сферой, позволяющей акцентировать возможный выход к сознанию Другого. Сформирован определенный вектор истолкования прагматически важных компонентов текста, не лишаящий при этом читателя определенной степени свободы в его рецептивно-интерпретативной деятельности. Лексико-семантические и грамматические маркеры интересубъективности обнаруживаются в различных сферах семантического пространства художественного текста: при ассоциировании автора с читателем и актуализации общих фоновых знаний при опоре на предполагаемый обыденный и духовный опыт читателя, при реализации интересубъективности с авторских позиций и неявной адресованности эстетического сообщения.

Ключевые слова: художественный текст, интересубъективность, автор, читатель, прагматика.

Для цитирования: Кудрявцева М.И., Режук З.В. Прагматика интересубъективности в художественном тексте постмодерна // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 92-98. doi: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-92-98

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Pragmatics of intersubjectivity in postmodern literary text

© *Maria I. Kudryavtseva¹, Zhinaida V. Rezhuk²*

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

¹*mia@sfedu.ru* ²*zrezhuk@sfedu.ru*

Abstract. Intersubjectivity is considered as a constitutive characteristic of the author's consciousness, represented in a postmodern literary text. Intersubjectivity is presented as an obligatory feature of any discursive practices, however, for a postmodern literary text, the pragmatics of intersubjectivity acts as a central sphere, allowing to emphasize a possible way out to the consciousness of the Other. A certain vector of interpretation of pragmatically important components of the text has been formed, while not depriving the reader of a certain degree of freedom in his receptive and interpretative activity. Lexico-semantic and grammatical markers of intersubjectivity are found in various spheres of the semantic space of a literary text: when associating the author with the reader and updating general background knowledge based on the supposed everyday and spiritual experience of the reader, when implementing intersubjectivity from the author's point of view and the implicit addressing of the aesthetic message.

Key words: literary text, intersubjectivity, author, reader, pragmatics.

For citation: Kudryavtseva M.I., Rezhuk Z.V. Pragmatics of intersubjectivity in postmodern literary text. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 101. No 6. P. 92-98. doi: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-92-98

Введение

В последние десятилетия особую актуальность в лингвистической научной парадигме приобретает когнитивно-коммуникативный подход, что обусловлено упрочивающимися позициями антропоцентризма в гуманитарной сфере знания. Категориальный аппарат когни-

тивно-коммуникативного подхода включает когнитивные, коммуникативные, метадискурсивные категории. Когнитивные и коммуникативные категории позволяют осмысливать содержательную сторону дискурса: когнитивные отвечают за его информативность и связность (когезию – референциальную, темпоральную, каузальную), коммуникативные – за интенциональность, адресованность, ситуативность. Метадискурсивные категории представляют его структурирование, позволяя выявить специфику организации, развертывания дискурса, включая коммуникативные стратегии и тактики и жанрово-стилистические особенности дискурса; в сфере метадискурсивных категорий особую важность приобретают фатическая метакommunikация и операциональная категория мены коммуникативных ролей.

Особое место занимает гиперкатегория интердискурсивности: она реализуется посредством функционирования дискурсивных (когнитивных и коммуникативных) и метадискурсивных категорий. Основу интердискурсивности составляет интересубъективность, под которой традиционно понимают «общность структур психики, мыследеятельности, опыта и результатов познания различных субъектов, обеспечивающая возможность взаимопонимания и социокультурной идентификации личности» [8]. В координатах феноменологической социологии интересубъективность трактуется как типические, взаимосогласованные структуры сознания и поведения индивидов, которые формируются в процессе общения и согласуются со сменой социальных ролей [9]. Для лингвистики интересубъективность важна, прежде всего, как необходимое условие для осуществления различных видов деятельности, объединяемых необходимостью в коммуникации, что, в свою очередь, обуславливает ее облигаторный характер для осуществления когнитивных усилий личности [10]. Именно поэтому в рамках анализа текста и дискурса, прагматики и семантики тексто-дискурсивного пространства интересубъективность и, как следствие, интердискурсивность представляют собой фундаментальные категории.

Лингвистика пока не располагает трактовкой интересубъективности, которая отвечала бы требованиям всех направлений изучения дискурса и текста, а самым общим представлением является интерпретация интересубъективности как выполнения «правил языковых игр» [7], как общности «опыта (чувств, ощущений, мыслей, значений), разделяемую определенным множеством людей» [11, с. 2]. Эта общность знания является одной из центральных сфер социальной жизни, формирующей человеческое сознание [11, с. 1].

Выбор *методов исследования* обуславливается комплексным характером интересубъективности в художественном тексте, а также многомерным характером прагматического воздействия, возникающего в процессе рецептивно-интерпретативной деятельности читателя в отношении постмодернистского художественного текста. Центральное место среди методов исследования занимает коммуникативно-прагматический анализ, особая роль отводится также филологической интерпретации и семантическому анализу.

Обсуждение

Интерсубъективность представляет собой конституент сознания, который фактически обуславливает саму возможность общения и является поэтому признаком, релевантным для всех дискурсивных категорий. Для когнитивных категорий это наиболее общая, разделяемая всеми представителями социо- и лингвокультурного коллектива, интерпретация базовых концептов конкретной культуры и, как следствие, картина мира как глобальное представление о мире, получаемое в результате обобщения эмпирического опыта, а также свойственные определенному историческому периоду механизмы обработки знаний (например, модели когнитивных метафор и т.п.). В рамках когнитивных категорий интересубъективность является условием формирования совокупности знаний, свойственных всем коммуникантам, что, в свою очередь, детерминирует семантико-когнитивную связность дискурса – когезию и когерентность.

Для коммуникативных категорий интересубъективность обуславливается интенциональностью сознания как особого рода отношений между субъектом и объектом [9], имеющих недетерминированный характер. Интенциональность выступает конституентом сознания, т.к.

его объект обладает значимостью: «всякий интенциональный опыт <...> имеет свой «интенциональный объект», то есть свое объективное значение. Или, другими словами, иметь значение, мыслить «о чем-то» – кардинальное свойство всякого сознания» [9], а личность способна к ориентации в мире благодаря интенциональности сознания.

В качестве *материала* исследования нами избран роман А. Битова «Пушкинский дом» (1964–1971, первая публикация – 1987) [4] как один из наиболее значимых в русском постмодерне. Текст романа содержит репрезентативное количество микро- и макроконтэкстов, позволяющее сделать доказательные выводы о функционировании интересубъективности и ее прагматической роли в организации эстетической коммуникации автора и читателя.

Постмодернизм обращается к вопросам прагматики текста как к одной из основных тематических сфер эстетики и, как следствие, формирует собственное отношение к проблематике авторства, к вопросу о «разомкнутости» текстово-дискурсивного пространства и роли читателя в творческом процессе. В постмодернистском понимании традиционная трактовка авторства подвергается деконструкции, поэтому в отношении к тексту статусы автора и читателя лабильны: «Изменение роли читателя и автора в повествовании составляет один из существенных факторов перехода к постмодерну. Читатель всегда был важнейшим участником повествовательного процесса, но в современном искусстве его роль усложняется. Отличие состоит в первую очередь в количественных, а не качественных показателях» [6, с. 62].

В тексте романа А. Битова «Пушкинский дом» структурированы особые коммуникативные отношения автора и читателя, которые весьма условно можно соотносить с типологией, включающей экзистенциальный выход к Другому («бытийное обязывание») и смысло-прагматическое конституирование жизненного мира. Очевидно, что эстетическая коммуникация подразумевает выход к иному сознанию и к самому себе, в котором осуществляется само постижение бытия. Прагматика интересубъективности в данном случае особым образом маркируется на лексическом и грамматическом уровне, например: «Ведь мы идем за помощью, делая вид перед собой, что уже не верим даже в возможность ее, а – просто так идем и приходим именно туда, где можем еще ее ждать, приходим с протянутой, как нищие, рукой – получаем рукопожатие, нам подают руку» [4, с. 27].

В приведенном фрагменте лексическими маркерами интересубъективности выступает местоимение *мы*, грамматическими репрезентантами взаимодействия авторского и читательского сознания выступают формы глаголов 1-го лица мн.ч. (*идем, не верим, приходим, можем, получаем*), при этом и лексические, и грамматические маркеры особым образом организуют текст постмодерна: автор опирается не только на собственный духовный и обыденный опыт, но и обращается к опыту читателя, который выступает фактически соавтором в создании семантического пространства художественного текста. Л.Г. Бабенко подчеркивает, что «семантическое пространство “многослойно”, т.е. сочетает в себе вербальное – состоящее из знаков, слов, и ментальное – присущее уму, рассудку. Затем разделяются открыто выраженное, обозначающее что-то конкретное, содержание, и скрытый, вызывающий при этом определенные эмоции и чувства, смысл. Вызвать же у читателя эмоции и чувства, ощущения прекрасного, сформировать ценностную картину мира возможно только через изображение человека, который существует в литературном произведении в определенном месте и времени» [2, с. 54].

Следующий макроконтэкст содержит обобщение авторского и читательского опыта, из которого, собственно, и возникает общее «мы»: «И как удивляемся мы внезапной, такой непривычной неспешности и любовности собственных движений, подсказанной лишь формой и гранью этих склянок, таинственно прорывающей и останавливающей нашу суету...» [4, с. 8]. Прагматический эффект основан в данном случае на интерпретации собственных ассоциативных связей, которые оказываются общими с авторскими. Автор усиливает прагматическое воздействие за счет применения развернутой метафоры (*непривычной неспешности и любовности ... движений; таинственно прорывающей и останавливающей нашу суету*).

В тексте романа «Пушкинский дом» представлены и контексты, в которых автор раскрывает цели собственного произведения, прямо указывая на роль читателя в интерпретации того или иного эпизода: «Чтобы можно было, отложив роман, читать свежую и несвежую газету наоборот, отложив газету, полагать, что и не прерывались читать, а еще раз перечитали “Пролог”, чтобы уяснить себе некоторые частные мелочи из намерений автора. Уповая на такой эффект, рассчитывая на неизбежное сотрудничество и соавторство времени и среды, мы многое, по-видимому, не станем выписывать в деталях и подробностях, считая, что все это вещи взаимноизвестные из опыта автора и читателя» [4, с. 9]. Тем не менее, исходя из подобных приведенному выше контекстов вовсе нельзя сделать вывод о формировании образа автора, известного по текстам классической русской литературы: у Битова отсутствует прямое обращение к читателю, он как бы отстраняется не только от адресата своего текста, но и от текста как такового.

Особую прагматическую функцию в романе «Пушкинский дом» выполняют компоненты текста, которые по коммуникативно-прагматическим показателям квалифицированы нами как метатекстовые. В таких контекстах автор раскрывает специфику создания текста романа и художественного текста вообще, отчасти характеризуя и творческий процесс создания литературного произведения в целом. Ранее мы отмечали, что «метатекст может иметь различные объем и структуру – от единственной лексемы или лексического сочетания до сложного синтаксического целого или абзаца. Отражая вторичную информацию, которая имеет дополнительный характер, метатекст детерминирован речевыми шагами продуцента дискурса <... > важной оказывается способность метатекста репрезентировать авторские и/или персонажные комментарии, которые обнаруживают рефлексивность субъекта речи, отражающую его отношение к собственной речемыслительной и творческой деятельности» [5, с. 2956]. Так, в макроконтексте «и автору очень хочется изложить сейчас второй вариант семьи Левы Одоевцева, такой вариант, в результате которого, как кажется автору, опять получится ровно такой же герой. Потому что интересует его только герой, и только героя, как уже выбранный (пусть неудачно) объект исследования, не хочет менять автор. Но это свое желание поведать второй вариант автор пока отложит» [4, с. 30] примечательны лексическо-семантические маркеры метатекста (*автору, хочется изложить, кажется, интересует его, не хочет менять*), среди которых важное место занимают глаголы мысли и речи.

Интересно, что А. Битов организует метатекстовые фрагменты, применяя местоимение *мы*, но в случае, когда автор рассуждает о творческом процессе создания художественного текста (а именно такая основная задача стоит перед автором постмодернистского романа), это вовсе не коллективное «мы», объединяющее автора и читателя. В таких макроконтекстах, опираясь на фоновые знания читателя, на его обыденный и духовный опыт, автор до известной степени раскрывает авторский замысел фактически вне сюжетного действия, например: «И мы не будем уточнять. Нам важна эта неясность как краска, как мнимая величина при абсолютной величине смерти. Во всяком случае, с кем-то из наших знакомых что-то подобное было» [4, с. 54]. Особую коммуникативно-прагматическую роль играют в приведенном фрагменте неопределенные местоимения *с кем-то, что-то*, эксплицитно «провоцирующие» когнитивную деятельность читателя, которому предлагается припомнить какие-либо художественные тексты, ассоциативно связанные с данным контекстом, а также сопоставить их и утверждения автора с собственным обыденным опытом.

Интересным представляется также и следующий контекст, отмеченный нами при анализе текста романа А. Битова: «нам хочется сохранить фамилию, намек на родовитость, в далеком и изжитом смысле слова... Почему нам это так важно, мы сами не можем до конца объяснить» [4, с. 57]. Для автора важна такая реминисценция, связанная с прошлым России, а прагматика данного фрагмента ориентирована на формирование вектора адекватной интерпретации авторского замысла читателем. Такой «намек на родовитость», на который ссылается А. Битов, зачастую можно встретить в нарративах семей, не имеющих никаких оснований для поддержания этого семейного мифа. Однако, как верно

полагает автор, опираясь на обыденный опыт своего читателя, миф о дворянском происхождении, о родовитости весьма живуч и в то время, когда создается роман – в 1960-е – 1970-е гг.: это своего рода компенсация за те жизненные неудачи, за отсутствие успеха в целом, за ощущение неполноты бытия, которая характерна как для его героев, так и для предполагаемого читателя романа.

Отношения автора и читателя по поводу художественного текста закономерно характеризуются интересубъективностью: эстетическая коммуникация диалогична по своей природе. Этот диалог амбивалентен в своей сущности: ему свойственна как симметрия, так и асимметрия. Симметрия обнаруживает себя в постоянном эмоциональном и интеллектуальном наполнении, который свойственен эстетической коммуникации, однако все же наиболее значимой оказывается асимметрия, заключенная в неизбежной деформации эстетического сообщения от автора к читателю и обратно. М.М. Бахтин отмечает в этой связи, что автор «никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и окончательную волю <...> адресатам <...> и всегда предполагает <...> какую-то высшую инстанцию ответного понимания» [3, с. 306]. Рассматривая специфику читательского восприятия, Ю.И. Айхенвальд указывает, что «никогда читатель не прочтет как раз того, что написал писатель <...> Если мысль изреченная есть ложь для самого поэта, для собственника этой мысли, то она еще больше – ложь для тех, кто ее воспринимает» [1, с. 262)].

Очевидно, что в эстетической коммуникации читатель принципиально значим, но в то же время он труднодоступен для изучения и преимущественно имплицитен в самом художественном тексте. Тем не менее, в отношении художественного текста утверждение о его принципиальной диалогичности, которая основана на интересубъективности, аксиоматично. Однако только постмодернистский художественный текст предоставляет широкие возможности для изучения всего многообразия лингвистических механизмов, языковых и текстовых средств, с помощью которых реализуется прагматика такого текста. Эстетическая коммуникация при всем своем своеобразии демонстрирует стремление автора воздействовать на читателя как можно более разнообразно с целью активизации читательского сопереживания, когнитивной и рецептивно-интерпретативной деятельности в целом. Сотворчество автора и читателя заключается, прежде всего, в актуализации фоновых знаний читателя, формировании разветвленных ассоциативных связей при восприятии художественного текста и, как следствие, поливариативности истолкования художественных смыслов.

Выводы

Изучение прагматической специфики интересубъективности на материале текста романа А. Битова «Пушкинский дом» позволило прийти к следующим выводам:

- интересубъективность понимается постмодерном как сфера, которая позволяет акцентировать внимание на новых личностных качествах автора и читателя, определить возможности выхода к сознанию Другого. Как конституент сознания, интересубъективность определяет саму возможность коммуникации, что позволяет трактовать ее как релевантный признак всех дискурсивных категорий;
- обращаясь к вопросам прагматики текста как к одной из основных тематических сфер эстетики, постмодерн определяет собственное отношение к проблематике авторства, к вопросу о «разомкнутости» текстово-дискурсивного пространства и роли читателя в творческом процессе: традиционное понимание авторства подвергнуто деконструкции, а сам автор и читатель свободны в истолковании прагматического воздействия текста;
- в романе А. Битова «Пушкинский дом» интересубъективность манифестирована в нескольких сферах семантического пространства художественного текста: ее лексико-семантические и грамматические маркеры организуют контексты, в которых автор ассоциирует себя с читателем и актуализирует общие с ним фоновые знания, обыденный и духовный опыт, а также такие компоненты текста, в которых интересубъективность обнаруживается только с позиций автора при неявной адресованно-

сти эстетического сообщения. Кроме того, нами выявлены также контексты, в которых лексически маркированы как автор, так и читатель. Особое место в реализации прагматики intersubjectивности занимают метатекстовые элементы текста романа, в которых автор размышляет о собственной роли, о читателе как возможном соавторе, участвующем в сотворении текста, а также о творческом процессе создания художественного текста в целом и романа «Пушкинский дом», в частности.

Список источников

1. *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
2. *Бабенко Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта, 2008. 495 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
4. *Битов А.* Пушкинский дом: роман. СПб: Изд-во «Азбука», 2000. 499 с.
5. *Кудрявцева М.И.* Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2022. Т. 15. Вып. 9. С. 2954–2959.
6. *Меньшиков Л.А.* Прагматика понимания текстов постмодернистской культуры // *Человек. Образование. Культура.* 2015. № 4(18). С. 62–74.
7. *Тулмин С.* Человеческое понимание / Пер. с англ. Общ. ред. и вступ. ст. П.Е. Сивоконя. М.: Прогресс. 1984. 327 с
8. *Brinck I.* Intersubjectivity and intentional communication. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/228802354> (дата обращения 12.10.2023).
9. *Husserl E.* Cartesian Meditations: an introduction to phenomenology. The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1970. 175 p.
10. *Martynyuk A.* “Now that the magic is gone” or Toward cognitive analysis of verbal/co-verbal communication // *Когниция, коммуникация, дискурс.* 2017. № 15. С. 51–72. – URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse>. DOI: 10.26565/2218-2926-2017-15-04 s
11. *Zlatev J., Racine T., Sinha C., Itkonen E.* Intersubjectivity: What Makes Us Human? // *Jordan Zlatev, Timothy P. Racine, Chris Sinha, Esa Itkonen (Eds.). The Shared Mind: Perspectives of Intersubjectivity.* Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 1–14.

References

1. *Eichenwald Yu.I.* Silhouettes of Russian writers. M.: Republic, 1994. 591 p.
2. *Babenko L.G.* Linguistic analysis of a literary text. Moscow: Flint, 2008. 495 p.
3. *Bakhtin M.M.* The problem of text in linguistics, philology and other humanities // *Bakhtin M.M.* Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. P. 281-307.
4. *Bitov A.* Pushkin House: a novel. St. Petersburg: Publishing house “ABC”, 2000. 499 p
5. *Kudryavtseva M.I.* Metatext in the artistic discourse of postmodernity: cognitive and pragmatic aspect // *Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2022. Vol. 15. Issue 9. P. 2954-2959.
6. *Menshikov L.A.* Pragmatics of understanding texts of postmodern culture // *Chelo-vek. Education. Culture.* 2015. No. 4(18). P. 62-74.
7. *Tulmin S.* Human understanding / Trans. from English. General ed. and introductory article P.E. Sivokonya. M.: Progress. 1984. 327 p.
8. *Brinck I.* Intersubjectivity and intentional communication. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/228802354> (accessed 12.10.2023).

9. *Husserl E.* Cartesian Meditations: an introduction to phenomenology. The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1970. 175 p.
10. *Martynyuk A.* "Now that the magic is gone" or Towards cognitive analysis of verbal/co-verbal communication // *Cognition, communication, discourse.* 2017. No. 15. pp. 51-72. – URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse>. DOI: 10.26565/2218-2926-2017-15-04 p.
11. *Zlatev J., Racine T., Sinha C., Itkonen E.* Intersubjectivity: What Makes Us Human? // *Jordan Zlatev, Timothy P. Racine, Chris Sinha, Esa Itkonen (Eds.). The Shared Mind: Perspectives of Intersubjectivity.* Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 1–14.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 02.11.2023.